

Выход в свет капитального труда Г. М. Василевич — отрадное и примечательное явление в советской этнографии. Работа посвящена самой крупной народности Севера — эвенкам, расселенным на огромном пространстве Сибири и Дальнего Востока. Автор книги — крупнейший ученый-эвеновед, с обширными знаниями в области этнографии и лингвистики; эти знания позволили автору глубоко проникнуть в материальную и духовную жизнь народа.

Собранные Г. М. Василевич материалы уникальны. В 20—30-х годах XX в. она наблюдала обряды, о которых современное поколение эвенков не имеет представления.

При написании данного труда автор использовала как свои полевые материалы, собиравшиеся около 50 лет, так и огромную этнографическую, историческую, лингвистическую литературу (свыше 300 названий на русском и около 50 на иностранных языках), а также материалы этнографических музеев. Книга является частью большой работы Г. М. Василевич «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов», опубликованной еще не полностью.

Рецензируемая работа состоит из введения, трех разделов, подразделяющихся на главы, заключения, приложения, карт, рисунков и списка использованной литературы.

В обширном «Введении» автор затрагивает различные вопросы, связанные с расселением, численностью, названием и самоназванием различных групп эвенков с XVII в. до настоящего времени, а также анализирует материал, связанный с историей проблемы этногенеза тунгусов. Приведены четыре карты-схемы, на которых показано расселение эвенков в XVII, XVIII, XIX и нач. XX вв.¹

При разборе вопроса о названиях и самоназваниях различных групп эвенков, к сожалению, не всегда ясно, где речь идет о названиях, а где о самоназваниях; по-видимому, это касается прежде всего терминов *орочен* и *хундысал*. На наш взгляд, *хундысал* («собачья», «хозяева собак») — это скорее не самоназвание, а название, дававшееся соседями какой-то группе, утерявшей оленей и пользовавшейся собаками для транспортировки грузов, в противоположность группам оленеводов.

Говоря о численности тунгусов, автор допускает ошибку, утверждая, что в работе Б. О. Долгих приводятся две разные цифры для XVII в. — 36 135 и 17 513. В действительности эти две цифры показывают численность тунгусов в разное время: первая — в XVII в., а вторая — в 1926 г. по данным Приполярной переписи², во время которой были учтены не все эвенки, что и дало столь большую разницу (общая численность тунгусов по переписи 1926 г. — 37 546 чел.).

Большой интерес представляют «Историко-археологическая справка», «Краткая история изучения тунгусов» и резюме, посвященные проблемам этногенеза, но, к сожалению, в этих разделах встречаются некоторые недочеты и спорные моменты³.

Первый раздел книги «Хозяйство и материальная культура» представляет большой интерес. Следует отметить, что трудности, с которыми пришлось столкнуться автору при написании этого раздела, были велики, ибо у эвенков на всей огромной территории их расселения хозяйство было чрезвычайно многогранным.

Раздел состоит из девяти глав. Большую ценность представляет собранный автором материал об эвенкском календаре; этот материал позволяет наметить хозяйственные периоды у тринадцати групп эвенков, живущих от Енисея до Охотского моря. Такая сводка по календарю эвенков появляется в печати впервые. Поэтому особенно обидно, что некоторые места текста противоречат материалам, содержащимся в самом календаре. Так, в начале главы «Календарь и хозяйственный год» автор говорит, что «у всех тунгусоязычных народов, насколько позволяют судить источники, основным занятием являлась охота» (стр. 42). Это приписывается даже группам, живущим по Нижнему Амуру. В итоге же главы делается иной вывод: «У сидячих, позже, „пеших“, а также у малооленных групп существовало комплексное охотничье-рыболовецкое хо-

¹ Четвертая карта, по-видимому, вопреки подписи к ней, отражает современное расселение эвенков.

² Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, стр. 13, 14.

³ Так на стр. 16 и 17 автор, останавливаясь на проблеме формирования населения Приамурья — Забайкалья в VII в., утверждает, что мохэ жили в нижней половине бассейна Амура, хотя из старой восточноведческой литературы известно, что этот народ в основном жил по среднему течению Амура; из новых работ отметим: А. П. Окладников и А. П. Деревянко, Мохэский могильник в пос. Найфельд Еврейской автономной области, «Сибирский археологический сборник. Материалы по истории Сибири», вып. 2. — «Древняя Сибирь», Новосибирск, 1966; Е. И. Деревянко, Мохэское городище на р. Завитой, «Известия Сибирского отделения АН СССР», серия общественных наук, 1969, № 11, вып. 3.

зяйство» (стр. 53). Исходный тезис опровергается и на стр. 76 в главе «Оленеводство», где говорится, что у всех эвенков с эвенкийским типом оленеводства «рыболовство имело немалое значение». На стр. 42 автор пишет: «Оленеводство и рыболовство мы нашли отражения в календаре у эвенков». А в примечании к этому утверждению читаем: «За исключением групп, живущих в районах озер к северу и западу от истоков Вилюя, на Охотском побережье и в истоках Витима». Исключений, как видим, довольно много. Кроме того, при более внимательном рассмотрении приведенного материала видно, что в календаре амуро-бурейских эвенков существовал «период нереста». Нашло отражение в календаре и оленеводство: в календаре 8 из 13 рассматриваемых автором групп эвенков отмечен «месяц отела»; имеется также период «оркор» — «спаривания оленей» (мы считаем возможным относить эти термины к домашним оленям, тем более, что автор нигде не говорит, что они относятся к диким). Думается, что нет оснований говорить о ведущей роли охоты в хозяйственных занятиях в конце XIX — начале XX в. ни у многих групп эвенков, ни у иных тунгусоязычных групп.

Причина отмеченных противоречий — в недостаточной историчности приводимых сведений, в их статичности. За рассматриваемый 200-летний период в жизни и хозяйстве эвенков (в частности, хозяйственных занятиях и орудиях производства) под влиянием различных исторических событий произошли большие перемены, что отмечается и самим автором многократно.

В главе «Оленеводство» большой интерес представляет материал о двух типах оленеводства у эвенков — эвенкийском и ороchonском. Эвенкийский тип оленеводства более древний, ороchonский — явление позднее⁴. Концепции автора несколько противоречат материалы в главе «Средства передвижения». Хотя в этой главе и говорится что для эвенкийского типа оленеводства было характерно только выючное седло (стр. 98, 100), однако на рис. 11 (стр. 99) изображены верховые седла западных эвенков, у которых, по утверждению автора, были эвенкийский тип оленеводства. Данное противоречие автор нигде не разъясняет. Пытаясь доказать слабое развитие у западных эвенков оленеводства, Г. М. Василевич ссылается на отсутствие у них отражения оленеводства в календаре, однако, как уже отмечалось, период отела наличествует в календаре подкаменно-тунгусских, непских, сымских, токминских и других групп. При этом, четко разграничивающих оленеводство у эвенков на два типа, не дано.

В ряде глав автор пытается доказать, что у эвенков существовала и сохранилась в пережитках стадия пешей доолениводческой культуры. В принципе этот тезис не вызывает возражений, однако приведенные доказательства не убеждают. Проблема до оленеводческой стадии культуры у эвенков чрезвычайно важна и хочется надеяться, что в последующих работах автору удастся подкрепить свою позицию более вескими доводами.

Тем не менее автор не сказал главного: об изменениях за рассматриваемый им период в соотношении хозяйственных отраслей у разных групп эвенков. Так, в главе «Рыболовство» говорится, что енисейские и илимпийские эвенки относились к рыболовству с «презрением», «занимались им лишь по нужде» (стр. 80). Однако автор не учитывает, что во второй половине XIX в. в связи с оскудением охотничьих угодий эвенки во многих районах стали перестраивать свое хозяйство и были вынуждены переходить к рыболовству как раз в тех районах, где они раньше им не занимались, например, в бассейне Енисея. По данным конца XIX — начала XX в. эвенки, кочевавшие в этих районах, регулярно выходили к реке для добычи рыбы, и если в начале XIX в. они получали доходы главным образом от охотничьего промысла, то в конце века доходы от добычи рыбы составляли половину, а то и более половины их бюджета⁵.

Несмотря на отмеченные недостатки, глава «Хозяйство», написанная целиком на основе полевых материалов автора, насыщенная интересной терминологией, представляет собою большую познавательную ценность.

В главе, посвященной жилищам, хозяйственным постройкам, утвари, автор очень тщательно и детально описала разные типы жилищ эвенков. Однако, работая с материалом, не относящимся к эвенкам, Г. М. Василевич не всегда и не во всем бывает точна. Так, на стр. 113 она приписывает орокам корьевое, в плане четырехугольное жилище, которое характерно для других тунгусских групп Нижнего Амура. К тому же сравнение жилищ этого типа, широко распространенного на Дальнем Востоке, с сайским мало оправдано, так как последнее имело принципиально иную конструкцию (что признает и сам автор). Здесь напрашивается аналогия с жилищами обских укров, а не народов Саян.

В главе «Одежда» большой интерес представляет описание ритуального костюма, обуви, одежды, заимствованной у соседей. Это же касается собственно эвенкийской повседневной одежды, но автор ограничивается описанием лишь одежды западной

⁴ К сожалению, в этом случае, как и в ряде других, автор избегает ссылок на исследования советских этнографов по затронутым вопросам.

⁵ В. Л. Исаченко, Инородцы Туруханского края, «Материалы по обследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении», вып. IX, Красноярск, 1915; Г. Н. Тарасенков, Туруханский край, Красноярск, 1930, стр. 32, 34 и др.

группы эвенков, ссылаясь на другие свои публикации. На наш взгляд, следовало бы дать суммарное описание одежды разных групп эвенков с указанием основных различий.

Во втором разделе книги — «Социальные отношения» — автор рассматривает вопрос о социальных отношениях у эвенков в XVIII—начале XIX в. В первой главе приводятся интересные материалы, анализируются характер систем родства, пережитки существовавших в прошлом у эвенков брачных групп и материнского рода, имевшие место еще в начале XX в. и неправильно истолкованные некоторыми исследователями как обычаи многоженства и легкости нравов.

В главе «Семья» Г. М. Василевич дает весьма любопытные термины, означающие семью: «дю» («дом»), «дюган» («домашние»), «хур-хуру» («многодетная женщина»), «бидыбу» («многодетная женщина» и «медведица с медвежатами»), что, с одной стороны, сближает эвенков с другими народами Сибири (например, у манси термина «семья» тоже нет, есть термин «кол тагыл» — «домовый коллектив»), а с другой стороны, указывает на связь эвенкийского материнского рода с тотемизмом.

О большой тщательности полевых исследований автора свидетельствуют ее записи названий родов и родословных (см. стр. 153 и приложение). Очень интересно объяснение автором механизма образования территориальных общин из больших взаимобрачающихся семей разных родов.

Материалы, относящиеся к составу семьи, формам собственности и обычаям наследования у эвенков весьма интересны, но, к сожалению, изложены чрезвычайно кратко.

В главе «Формы брака и свадебные обряды» Г. М. Василевич рассказывает о форме брака у эвенков, дает картину развития приданого и калыма, показывает зависимость калыма от экономического состояния семьи. Характеризуя формы брака у эвенков, автор не всегда точен в терминологии; так, термином «обменный брак» названы две различные формы брака — обмен женщинами между двумя семьями и брак, при котором калым и приданое равноценны (стр. 157).

Детально, с указанием терминологии описан свадебный обряд у разных групп эвенков. Однако нам кажется не совсем правомерным сопоставлять обычай устраивать свадебное угощение (известный лишь некоторым группам эвенков и заимствованный ими у других народов, так же как и специальный обряд свадьбы — см. стр. 161) с древним обрядом поедания медвежьего мяса только на том основании, что в обоих обрядах участвовали представители двух родов. Поскольку в силу родовой экзогамии браки заключались между представителями двух родов, естественным было то, что на свадьбе присутствовали родственники и свойственники, т. е. представители двух родов. Объяснение обычая поедания медвежьего мяса родственниками и свойственниками можно найти, вероятно, в представлении тунгусо-маньчжурских народов о медведе как о зяте рода. Различия в деталях свадебного обряда у разных групп эвенков показывают сложность и многообразие их культуры.

Интересно написана глава «Женщина и дети», в которой автор говорит о равноправном положении женщины в семье и о ее большой роли в хозяйстве. Г. М. Василевич правильно вскрывает сущность ограничений и запретов, касающихся женщин, у народов, занимавшихся охотой, а также связанных с гигиеной и охраной здоровья женщины и нисколько не унижающих, не умаляющих значение женщины в семье. В этой связи представляют интерес и запреты в отношении мужчин. Большую ценность имеют материалы, касающиеся рождения и воспитания детей, детских игр и игрушек, наречения имени. Правда, автору можно было бы высказать пожелание дать больше расшифровок эвенкийских имен (стр. 172, 191) и проанализировать значение некоторых игр. Например, интересно происхождение игры «кунэли» или «дэгэйкэчивкэ», где деревья назывались «мать мужчин» и «мать женщин» (стр. 178).

В последней главе этого раздела «Социальное расслоение к началу XX в.» автор коротко, но убедительно показывает значение и степень социального расслоения в среде разных групп эвенков.

Третий раздел посвящен духовной культуре эвенков. В главе «Народные знания» содержатся очень интересные сведения о географических, топографических, медицинских, ветеринарных знаниях эвенков, о знании ими примет погоды, развитии пиктографического письма и т. д.

Последние три главы этого раздела («Представления эвенков об окружающем мире», «Обряды и камлания», «Шаманы и их облачение») тесно связаны друг с другом материалом, который не всегда удачно распределен. Во всех главах автор четко различает дошаманские и шаманские представления и обряды у эвенков, вскрывает характер участия шамана в нешаманских обрядах (стр. 164, 234—240). Большое знание (в том числе и методологическое) имеет выделение автором в числе дошаманских охотничьих обрядов и представлений культа медведя. Однако автор отступает от своего принципа разделения шаманских и дошаманских представлений, когда говорит, что представления о духах-хозяевах были созданы шаманами (стр. 230). И изложенный самим автором материал (стр. 232) и аналогичные ему у других сибирских народов свидетельствуют о дошаманском происхождении этих представлений, хотя шаманы, без сомнения, «наследовали их и развили, добавив свое» (стр. 234).

Большой интерес представляет описание погребального обряда у эвенков, хотя способы погребения описаны недостаточно четко (стр. 241—242). Вероятно, традиции в спо-

собах захоронения зависели от определенных представлений, а не наоборот, как пишет автор (стр. 227).

Следует отметить, что некоторые материалы оказались композиционно разобщены: так, сведения о календаре помещены на стр. 42, 185, 193, разбросан и материал о сказаниях, легендах, именах богатырей.

Г. М. Василевич является большим специалистом в области эвенкийского фольклора. Отличное владение эвенкийским языком безусловно помогло автору детально изучить все жанры фольклора, которые обстоятельно освещены в данной работе.

К главе «Искусство», в целом содержащей самобытный материал, следует сделать два замечания. Прежде всего, вызывает сомнение утверждение автора о сходстве орнаментального оформления берестяных изделий западных эвенков с орнаментикой на бересте хантов и манси (стр. 206, 208). Можно видеть лишь некоторые черты сходства в техническом оформлении берестяных изделий западных эвенков с селькупскими и отчасти — с восточнохантыйскими, поскольку генезис ваховской группы хантов связывается с селькупами.

Второе замечание относится к вопросу о происхождении варгана. Поскольку этот вид музыкального инструмента крайне широко распространен у народов Сибири и даже Средней Азии, чего нельзя сказать о женском шаманстве, то вряд ли правомерно связывать его происхождение именно с женским шаманством (стр. 209). По всей вероятности, это просто древнейший вид женского музыкального инструмента.

В «Заключении» автор подчеркивает, с одной стороны, длительность и сложность пути развития эвенкийской культуры в ходе расселения эвенков по Сибири и их контактов с другими народами, и с другой — самобытность эвенкийской культуры и языка. Г. М. Василевич делает вывод о совпадении локальных вариантов культуры и диалектов, т. е. этнографических и диалектальных групп.

Большой интерес представляют этногенетические выводы автора, правда, в некоторых случаях гипотетичные, но вполне правомерные для такого рода исследования, а также анализ происхождения отдельных элементов культуры в зависимости от этапов становления и распространения тунгусской культуры.

Чрезвычайно большой интерес представляют «Приложения», в которых даются «Родовые названия и их распространение в XVII—XX вв.» и приводится около 450 этнонимов и их вариантов. По существу это самостоятельная работа не только справочного характера: здесь приводится краткая история расселения и передвижения родов во многих случаях с XVII в. (а кое-где и раньше) до начала XX в., а подчас и до наших дней (1960 г.). Иногда автору удается проследить распространение не только рода, но и аналогичных топонимов (Вакувагир, Дукин, Эджен и др.), а также широко отметить вхождение того или иного эвенкийского рода в состав других этнических групп и народов с тунгусским языком, что создает широкую картину истории эвенкийских родов. Большой интерес представляет проведенное автором сопоставление эвенкийских этнонимов с тюркскими, монгольскими и др., что позволяет намногу раздвинуть границы данных материалов; в этом заслуга автора как лингвиста. Недостаточно полно указаны места расселения эвенкийских родов: так, не отмечено, что в начале XX в. и в настоящее время по Нижнему Амуру и по Тумнину отдельными компактными группами жили и живут роды Бута, Бэтум, Лалигир, Хэгинкэгир (Эгинкэгир), Эдян.

В заключение надо отметить, что, несмотря на имеющиеся недостатки, вполне естественные в таких больших и сложных работах, рецензируемый труд представляет большую ценность. Благодаря отличному знанию этнографии, языка эвенков, сравнительно-историческому анализу материалов, рассмотренных в свете этнографических и диалектальных групп эвенков, Г. М. Василевич написала монографию, которая составит целую эпоху в области тунгусоведения и будет полезна многим сибиреведам. Работу можно назвать своеобразной «энциклопедией» по этнографии эвенков.

А. В. Смоляк, З. П. Соколова

* * *

Рецензируемая монография является первой сводной обобщающей работой по эвенкам, самому многочисленному из группы так называемых малых народов Севера. Автор ее, Г. М. Василевич, посвятившая много лет своей жизни исследованию эвенкийского языка и культуры, поставила перед собой задачу охарактеризовать хозяйство, материальную и духовную культуру, а также социальные отношения эвенков. Достоинство книги — вводимый в науку значительный фактический материал. Особенно интересны в этом отношении главы: «Представления эвенков об окружающем мире», «Обряды и камлания», «Шаманы и их облачения».

Мы не останавливаемся на структуре работы и отдельных ее достоинствах, т. к. это сделано в рецензии А. В. Смоляк и З. П. Соколовой. Учитывая значимость темы, нам представляется целесообразным осветить некоторые методологические аспекты работы и поднятые в ней вопросы.

Как известно, эвенки подразделяются на ряд локальных, весьма обособленных групп, отличающихся языковыми и культурными особенностями. Например, социальный строй и домашний быт эвенков-оленьеводов бассейна Подкаменной Тунгуски и тунгусов-

скотоводов Забайкалья, а также алданских тунгусов-животноводов, сблизившихся с якутами, резко различались. В связи с этим для выяснения вопроса о существовании общих элементов эвенкийской культуры необходим детальный сравнительный анализ культуры отдельных эвенкийских групп. К сожалению, этого не сделано в работе Г. М. Василевич. Хотя автор и указывает на локальные особенности тех или иных элементов материальной культуры эвенков, читатель не получает представления о фактическом различии отдельных групп; напротив, создается иллюзорное представление о единстве культуры эвенков на всей громадной территории, осваиваемой ими. Так, в разделе «Пища, напитки» (стр. 122—130) дается описание пищи как скотоводов, так и оленеводов, в результате чего у читателя складывается ложное впечатление о чрезвычайном разнообразии пищи у эвенков и отсутствии какой бы то ни было специфики в этом отношении у различных этнографических групп.

Стремление к общему описанию отдельных видов хозяйства, социальных отношений и верований не позволило автору отделить архаические элементы от нововведений. Несомненно, что хозяйство и культура эвенков в начале XX в. не были такими, какими они были в XVII—XVIII вв., однако этот момент не нашел отражения в работе.

Отдельные положения автора, выраженные в категорической форме и без ссылок на источники, вызывают у читателя недоумение. «Необходимо отметить,— замечает, в частности, Г. М. Василевич,— что всякий вид новой работы, входивший в быт эвенков от соседей, был вначале мужским делом, потом уже становился женским» (стр. 90). Всегда ли так было и во всех ли нововведениях? Чем это подтверждается?

На стр. 122 мы читаем: «Питание производилось регулярно 4 раза в день через точные промежутки времени». Это сказано о людях, которые вели кочевой образ жизни и целиком зависели от удачи на промысле...

Освещая отдельные элементы культуры, Г. М. Василевич зачастую не указывает, для какой группы эвенков они характерны. Так, на стр. 90, 91 приводится описание кузнечного производства, но не сообщается, о каких группах идет речь и на основании каких материалов сделано описание. То же следует сказать и о разделе, посвященном детским играм (стр. 174—178).

Можно привести и другие примеры. «Сны и наблюдения над обморочным состоянием привели к представлению о том, что «оми» (душа.— Б. Д., И. Г., В. Т.) может покидать человеческое тело и возвращаться в него» (стр. 225). «Развивая мысль о способности души покидать тело человека, шаманы создали новое представление о возможности сохранять души живых людей и оленей до выздоровления больных» (стр. 226). Думается, что генезис анимистических воззрений значительно более сложен, чем он представляется автору, а сами эти воззрения скорее всего сложились задолго до того, как сформировались современные эвенки и эвены.

Если верить автору, эвенкийская семья обладала атрибутами рода. «Отдельная семья,— пишет Г. М. Василевич,— ... имела признаки рода: родовое название и экзогамию» (стр. 151). Вряд ли подобные утверждения даже нуждаются в опровержении.

В книге немало общеизвестных истин, о которых вряд ли стоило бы говорить. Имя «должен был иметь каждый человек. Имя было индивидуальным. Без него человек не мог существовать» (стр. 171).

В книге много неточностей. Одни и те же родовые этнонимы приводятся на одной и той же странице в разном написании, отчего воспринимаются как названия разных родов: «Ингола+хир» и «Инголос», «Санягир» и «Шанягир» (стр. 153). Неточно названы некоторые административные районы «Витимо-Олекминский» вместо Тунгино-Олекминский, «Бухта» (в Маньчжурии) вместо Бутха» (стр. 6, 29) и т. д.

Лингвистический анализ, применяемый автором для иллюстрации тех или иных положений, не всегда убеждает читателя. Так, в слове «тунгус» Г. М. Василевич, например, отсекает суффикс (?) «гус» и сообщает, что данный суффикс не встречается в тюрко-болгарских этнонимах и делает вывод: «Следовательно, сам этноним *тун* ... появился значительно раньше и из известных нам языков переводиться не может» (стр. 10). Еще пример: «Корень *дав-дан-дал* обозначает «передать просьбу», «сватать», «свойственник», «сват», «обмен невестами», а словом *даха*, *мата* называли друг друга семьи, находившиеся во взаимнообратных отношениях. Поэтому буквальный смысл слова *галды* — «сватать», «брать друг у друга» (*гагат* — «брать взаимно»). Последнее говорит о том, что слово *дан* появилось одновременно с появлением экзогамии (запретов браков внутри рода)» (стр. 147). Подчеркнутые нами слова «поэтому» и «последнее» указывают на то, что автор пытается логически обосновать мысль, претендующую на важные обобщения, однако мотивировка сделанного обобщения не доходит до читателя.

Во введении и заключении автором сделаны значительные и далеко идущие выводы, касающиеся этногенеза эвенков, однако эти выводы крайне трудно обсуждать ввиду того, что они почти не связаны с материалом, изложенным в книге. Сущность взглядов Г. М. Василевич сводится к следующему: «...древнейшие тунгусы были пешими охотниками...», для которых рыболовство «... еще не имело значения» (стр. 39, 40). В конце «серовского» времени эти «пешие охотники», по утверждению автора, расселились на правых притоках Амура и «...стали основным ядром в образовании чжурчженей — предков маньчжуров» (стр. 40). Оставшиеся у Байкала «прототунгусы» выработали в языке «...элементы, сблизившие все языки группы (тунгусо-маньчжурской.— Б. Д., И. Г., В. Т.), кроме маньчжурского... а в культуре... тот тунгусский комплекс, который всегда

отличал тунгусоязычные народы Сибири от всех остальных народов» (стр. 40). В следующем периоде,— пишет Г. М. Василевич,— тунгусы (предки эвенков и эвенов) стали расселяться «...на запад и восток от Байкала», что, по ее мысли, могло быть обусловлено выходом «тюркоязычного населения к Байкалу» (стр. 40). С названными периодами автор связывает некоторые до сих пор бытующие этнонимы: *мангы, саман, канга* — «алтайский пласт»; *эвэн* — «прототунгусский», *Курка* (-гир), *Килен, Долган, Донгон* — *Донгой. Кима, Солон* — «тунгусский» (стр. 40, 41). К сожалению, все эти ответственные утверждения лишены аргументации.

Основу древней культуры «пеших охотников» составляли, по утверждению Г. М. Василевич, «широкие гнутые лыжи, лодка-берестянка, составленный из пяти частей костюм с кафтаном, не сходящимся на груди, с нагрудником, шитая деревянная колыбель» (стр. 257). Даже соглашаясь с возможностью существования подобного «комплекса», трудно понять, почему он должен был возобладать над культурой аборигенов, которых тунгусы ассимилировали по мере своего расселения по тайге; вряд ли эта культура была более отсталой и менее приспособленной к местным природным условиям, чем пришедшая, тунгусская.

В качестве доказательства того, что при своем первоначальном расселении по тайге эвенки были пешими охотниками, автор ссылается на традиционный тунгусский календарь, утверждая, что в нем нет названий месяцев, связанных с занятиями оленеводством и рыболовством (что мешало пешим охотникам заниматься рыболовством — остается непонятным). Насколько мы знаем, это утверждение не соответствует действительности: такие названия месяцев у эвенков есть. Но не в этом дело. Хозяйственный календарь — явление, подверженное сравнительно быстрым изменениям во времени, и современные термины этого календаря вряд ли могут служить для иллюстрации хозяйственной жизни всех групп эвенков с их разными районами расселения и разными типами хозяйственной деятельности в отдаленном прошлом. Такого универсального календаря у эвенков никогда не было и не могло быть. В действительности древнейшим и, вероятно, общим календарем тунгусов был не хозяйственный, а аналитический календарь с отсчетом 13 лунных месяцев по голове и суставам рук.

Не могут служить доказательствами существования «пешей культуры» и ссылки на «сведения», дошедшие до «первых путешественников XVIII в.» о наличии на Алдане «собачьих тунгусов», а также на «пеших тунгусов» Охотского побережья. Оседлыми тунгусами на Алдане могли быть эвенки, потерявшие оленей и ассимилированные якутами и русскими. Группы таких ассимилированных тунгусов-животноводов там известны с конца XVIII в. Что касается «пеших тунгусов» Охотского побережья, то они отнюдь не реликт «доолениводческой» стадии развития тунгусов, а продукт их смешения с местным рыболовческим населением (главным образом с коряками), на что в свое время было указано М. Г. Левиным и Б. О. Долгих.

Не подтверждает положения автора о первоначальном расселении «пеших тунгусов» и попытка подразделить тунгусское оленеводство на два типа — «эвенкийский» и «корочонский». Первый тип, по мнению автора, характеризуется особенностями, позволяющими утверждать, «... что оленеводство появилось у большинства пеших эвенков уже после расселения их по тайге...» (стр. 78). Признаки, характеризующие оба типа, крайне расплывчаты и неубедительны. Г. М. Василевич пишет, что для «эвенкийского» типа было характерно наличие мелких стад и осенний забой оленей на мясо. Однако «небольшое» стадо было типичным для всех эвенков-олениводов, что отличало их, например, от коряков и чукчей. С большим стадом кочевать по тайге, а тем более заниматься охотой (основным делом эвенков) было трудно. Что касается «осеннего забоя на мясо», то такой производился малооленивыми охотниками лишь в исключительных случаях, когда альтернативой была голодная смерть.

Одним из основных положений автора по данному вопросу является утверждение, что оленеводство возникло в бассейне некоего притока Амура — Оро (стр. 12). Насколько нам известно, топоним Оро единственный раз упомянут русским натуралистом Р. Мааком в его труде «Путешествие по Амуру» (СПб., 1859) применительно к району бывшего Албазинского острога и безотносительно к происхождению оленеводства. Это полупустынный район с жарким летом, где нет и не могло быть ни домашних, ни диких оленей ввиду невозможности их существования в данных географических условиях.

Г. М. Василевич связывает с топонимом Оро название «корочон» и указывает, что оно «обозначало жителя местности Оро» (стр. 12). Такое толкование идет вразрез с практикой и смыслом употребления самими эвенками слова *орочён*, буквальный перевод которого будет «оленивод» (от *орён* — «домашний олень»). Что же касается обозначения «жителя местности Оро», то согласно нормам эвенкийского языка, таким словом скорее должно было стать слово *ороган*, где *ган* — суффикс принадлежности к определенной местности.

В свете вышесказанного изложенные в книге этногенетические концепции следует, очевидно, рассматривать только как личное мнение Г. М. Василевича.

В заключение отметим, что ценность значительных и интересных материалов, приведенных в работе, к сожалению, снижается из-за неисторического подхода автора к описываемым явлениям, вольного обращения с фактами и отсутствием в целом ряде случаев ссылок на источники.

И. С. Гурвич, Б. О. Долгих, В. А. Туголуков